

ИСТОРИЗМ КАК ПРИНЦИП

А. де Токвиль

В КАКОМ ДУХЕ АМЕРИКАНЦЫ РАЗВИВАЮТ ИСКУССТВА.

Перевод Е.Г. Рудневой

Было бы напрасной тратой времени стремиться показать, как ограниченные доходы, отсутствие чрезмерного богатства, всеобщая жажда комфорта и неизменные попытки достичь его заставляют человека предпочесть полезное красивому. Поэтому нации, живущие в условиях демократии, в подобных случаях будут отдавать предпочтение искусствам, облегчающим жизнь, а не украшающим ее. Обычно они предпочитают полезное красивому, и их требованием является, чтобы красивое было одновременно и полезным.

Но обратив внимание на эту первую особенность, пойдем дальше и попробуем выделить и некоторые другие характерные черты.

В век привилегий, как правило, бывает так, что занятие почти любым из искусств становится привилегией, и каждая профессия является отдельной сферой деятельности, в которую отнюдь не каждому позволительно вторгаться. Даже при свободе промышленности, устойчивый характер, присущий аристократическим нациям, постепенно выделяет людей, занимающихся одним и тем же видом ремесла, образуя, наконец, из них особый класс, состоящий из одних и тех же семей, члены которых хорошо знают друг друга. В их среде вскоре возникает особое общественное мнение и особая общая гордость. Каждый ремесленник, состоящий членом такого класса или гильдии, должен не только умножать их богатство, но и оберегать их престиж. Им не руководят исключительно его собственные интересы и даже не интересы клиента, но интересы корпорации, к которой он принадлежит. Корпорация же заинтересована в том, чтобы каждый ремесленник обладал как можно большим мастерством. В аристократические времена, следовательно, цель ремесла — производить как можно лучше, а не как можно быстрее и дешевле.

Когда же, напротив, каждая профессия доступна для всех, когда ее постоянно избирает и оставляет множество людей и когда некоторые из работников чужды и безразличны друг другу и, вследствие их многочисленности, едва замечают один другого, общественная связь разрушается, и каждый отдельный работник просто стремится заработать как можно больше денег при возможно меньших затратах. Тогда единственным пределом для него является желание покупателя. Но одновременно соответствующим образом изменяете, и покупатель. В странах, где богатства, как и власть, сосредоточиваются и сохраняются в руках немногих, право использования большей частью этого множества благ принадлежит небольшому числу одних и тех же людей. Бедность, общественное мнение или умеренность в потребностях исключают для других людей пользование этими благами. Пока аристократический класс остается неизменно на вершине величия, не уменьшающегося и не увеличивающегося, им управляют одни и те же потребности, действующие на него одним и тем же образом. Люди, из которых этот класс состоит, естественно, благодаря своему высокому наследственному положению приобретают вкус ко всему, что сделано прочно и хорошо. Это оказывает воздействие на общие воззрения нации на искусство. У таких наций часто случается, что даже крестьянин скорее обойдется без предметов, о которых он мечтает, чем купит их, если они будут несовершенны. Следовательно, в аристократиях ремесленники работают лишь для ограниченного числа требовательных покупателей. Прибыль, на которую они надеются, зависит в основном от совершенства их мастерства.

Иначе обстоят дела в случае, когда все привилегии упразднены, сословия смешались и люди без конца появляются и исчезают на

общественной сцене. У демократических народов всегда имеется граждане, наследство которых дробится и убывает. При более благоприятных обстоятельствах у них появились некоторые потребности, которые остаются и после того, как уже нет средств для их удовлетворения. Эти люди страстно ищут какого-нибудь тайного способа добыть эти средства. С другой стороны, в демократиях всегда имеется большое число людей, чье богатство возрастает, но чьи желания растут еще быстрее, чем их богатство, и которые буквально пожирают глазами дорогие вещи задолго до того, как имеют средства для их покупки. Такие люди стремятся найти кратчайший путь к этим удовольствиям, уже находящимся почти в пределах их досягаемости. Результатом соединения этих двух причин является то, что в демократиях всегда имеется множество людей, чьи потребности превышают средства и которые скорее предпочтут быть удовлетворенными неполностью, чем отказаться вообще от предмета своих желаний.

Ремесленник без труда понимает эту страсть, ибо он сам ее разделяет. При аристократии он старался бы продать свою работу немногим, но по высокой цене. Теперь же он понимает, что более быстрый способ разбогатеть заключается том, чтобы продавать всем и по низкой цене.

Но существует лишь два способа понижения стоимости товаров. Первый заключается в том, чтобы найти лучший, более быстрый и изобретательный способ их производства, другой — в том, чтобы производить больше товаров, почти одинаковых, но меньшей стоимости. При демократии все интеллектуальные способности работника направлены на две цели: он стремится найти способы, которые позволил бы ему работать не только лучше, но и быстрее и дешевле, или, если он этого не может достичь, понизить внутреннее качество вещи, которую он производит, с таким расчетом, чтобы ею все же мог пользоваться тот, для кого она предназначена. Когда часы были только у состоятельных людей, они были почти все хорошего качества. Сейчас же мало делается часов, которые дорого бы стоили, зато они имеются в кармане у каждого. Таким образом, демократический принцип не только стремится направить человеческий разум на полезные ремесла, но побуждает ремесленника производить с большой скоростью много несовершенных товаров, а потребителя — довольствоваться ими.

Нельзя сказать, что в демократиях в случае необходимости ремесла неспособны творить чудеса. Это может случиться, если появятся покупатели, готовые оплатить время и труды. В этом соперничестве различных видов промышленности, в этом безграничном соревновании и бесчисленных экспериментах формируются великолепные работники, достигающие вершин мастерства. Но им редко представляется возможность показать, на что они способны. Они тщательно берегут свои силы, оставаясь на уровне законченной посредственности, порицающей себя, и, хотя вполне способны переступить границу, стоящую перед ними, стремятся лишь к тому, на что толкает их эта посредственность. В аристократиях, напротив, работник всегда делает все, что умеет, и если он остановился, значит, он достиг границ своего ремесла.

Когда я приезжаю в страну, где нахожу великолепные произведения ремесел, их этого факта я ничего не узнаю о социальном положении или о политическом устройстве страны. Но, если я замечаю, что ремесленные произведения изобилуют количеством, но в общем низкого качества, очень дешевы, я убежден в том, что в этом народе привилегии находятся в состоянии упадка, сословия начинают смешиваться и скоро смешаются совсем.

Ремесленники демократических времен пытаются не только сделать свои произведения доступными для всех, но стремятся придать всем товарам привлекательные качества, которых они в действительности не имеют.

При смешении сословий каждый надеется выглядеть так; каким он, в действительности, не является, и делает большие усилия, чтобы преуспеть в этом. Чувство это, столь естественное для человеческого сердца, в действительности не берет начало в демократическом принципе; напротив, этот принцип применяет его к материальным вещам. Лицемерие добродетели присуще все временам, но лицемерие роскоши характерно больше всего для времен демократии.

Чтобы удовлетворить эти новые желания человеческого тщеславия, искусство прибегает к различным видам обмана: и эти его изобретения заходят так далеко, что разрушают свои собственные цели. Сейчас делают поддельные бриллианты, которые легко принять за настоящие; как только искусство производства фальшивых бриллиантов станет столь совершенным, что их нельзя будет отличить от настоящих, возможно,

что и те и другие будут забыты; они станут снова простыми камешками.

Это ведет меня к разговору об искусствах, которые называют изящными. Я не думаю, что необходимым следствием демократических общественных условий и демократических учреждений является уменьшение числа тех, кто занимается изящными искусствами; но эти причины оказывают сильное влияние на способ этих занятий. Многие из тех, кто приобрел вкус к изящным искусствам, нищают, другие стороны, многие из тех, кто не стал еще богатыми, начинают приобретать этот вкус, по крайней мере путем подражания. Но состоятельные и требовательные покупатели становятся все более редкими.

Нечто аналогичное тому, что я уже указал, говоря о полезных искусствах, происходит в изящных искусствах. Произведения художников становятся более многочисленными, но достоинство каждого произведения уменьшается. Не способные больше возвыситься до прекрасного, они культивируют то, что привлекательно и элегантно, и при этом больше заботятся о внешнем виде, чем о сущности.

В аристократиях создается небольшое количество прекрасных картин, в демократических странах — огромное количество незначительных. В аристократиях воздвигаются статуи из броней, в демократиях их делают из гипса.

Когда я впервые приехал в Нью-Йорк, у той части Атлантического океана, которая называется Ист-Ривер, я с удивлением заметил, что вдоль берега, на некотором расстоянии от города, расположено много небольших особняков из белого мрамора; некоторые из них имели классическую архитектуру. Когда на следующий день я пошел, чтобы осмотреть вблизи один из особняков, особенно привлекший мое внимание, я обнаружил, что его стены были сделаны из побеленного кирпича, а колонны из крашеного дерева. Таким же были все здания, которыми я любовался накануне вечером.

Кроме того, социальные условия и демократические институты сообщают всем подражательным искусствам некоторые своеобразные тенденции, которые легко выделить. Они часто отвлекают их от изображения души и сосредотачивают внимание на изображении тела, подменяют изображение движения и ощущения изображением чувства и мысли. Одним словом, они заменяют Идеальное Реальным.

Я сомневаюсь, что Рафаэль изучал мельчайшие сложности механизма человеческого тела так тщательно, как художники нашего времени. Он не придавал такой важности строгой точности, как они, ибо он стремился превзойти природу. Он хотел сделать из человека существо, превосходящее человека, приукрасить саму красоту. Дэйвид и его ученики, напротив, были в равной степени и анатомами и художниками. Они прекрасно изображали людей, которые были у них перед глазами, но они редко обращались к чему-нибудь, кроме этих людей. Они точно подражали природе в то время, как Рафаэль стремился к чему-то лучшему, чем сама природа. Они оставили точное изображение человека, а он в своих работах показывает отблеск божества.

Это замечание относительно трактовки предмета не менее применимо к выбору его, Художники Возрождения, как правило, уходили вдаль от себя и своего времени в поисках сильных тем, которые предоставляли их воображению неограниченный простор. Наши художники часто тратят свой талант на точное изображение деталей частной жизни, которая у них перед глазами, и они постоянно копируют банальные предметы, оригиналы которых столь многочисленны в природе.

Черты литературы демократических времен

У жителей Соединенных Штатов в настоящее время, собственно говоря, нет литературы, единственные авторы из известных мне американцев — это журналисты. Они, конечно, не являются большими писателями, но говорят на языке своей страны и заставляют себя слетать. Другие авторы — иностранцы; для американцев они то же, что для нас — имитаторы греков I римлян в период возрождения знания, — объект любопытства, но не всеобщей симпатии. Они развлекают наш ум, но они не влияют на поведение людей.

Я уже сказал, что это положение вещей отнюдь не заключается в одной демократии и что причину его следует искать в некоторых своеобразных обстоятельствах, независимо от демократических принципов, если бы американцы, сохраняя все те же законы и общественные условия, имели другое происхождение и были перевезены в другую страну, я не сомневаюсь в том, что у них была бы литература. Даже при

их нынешнем состоянии, я убежден, они в конце концов будут иметь литературу, но ее характер будет отличным от того, который присущ американским произведениям литературы нашего времени, и этот характер нельзя заранее наметить.

Давайте представим себе аристократический народ, в среде которого культивируется литература; умственным трудом, как и делами государства, руководит правящий класс в обществе. Как политическая, так и литературная карьера почти исключительно доступна только ему и ближайшим к нему классам. Эти предпосылки могут служить ключом ко всему остальному.

Когда небольшое число одних и тех же людей занято одновременно одними и теми же делами, они легко договариваются друг с другом и условливаются о некоторых основных правилах, которыми они должны руководствоваться. Если предмет, привлекающий внимание этих людей, — литература, произведения разума вскоре будут подчинены определенным канонам, от которых нельзя будет отступать; если эти люди занимают ненаследственные посты в стране, они, конечно, будут склонны не только установить для себя известное количество неизменных правил, но и соблюдать те правила, которые установили для себя их предки. Их правила будут одновременно строгими и традиционными. Поскольку они не обязательно отягощены заботами повседневной жизни (и никогда не были отягощены) больше, чем их родители, они научились интересоваться умственным трудом на несколько поколений раньше. Они научились понимать литературу как искусство, любить ее в конечном счете ради нее самой и чувствовать нечто вроде академической удовлетворенности от сознания того, что люди подчиняются ее правилам. Но и это не все люди, о которых идет речь, начали и закончат жизнь в праздности и богатстве; отсюда, естественно и вкус к богатым вознаграждениям и любовь к рафинированным и утонченным удовольствиям. Даже более того, нечто вроде слабости ума и сердца, которую они приобретают при этом продолжительном и спокойном пользовании богатством, заставляет их избегать даже удовольствий, если те окажутся слишком возбуждающими или резкими. Они предпочтут развлечение сильному волнению. Они хотят интересоваться, но не увлекаться.

Теперь давайте представим себе большое количество спектаклей, исполненных людьми или для людей, которых я только что описала, и мы легко поймем стиль литературы, в которой все будет обычно и предопределено. Самая пустяковая работа будет аккуратно закончена в малейших деталях. Умение и труд будут заметны во всем. Каждый жанр будет иметь свои собственные правила, от которых не разрешается отклоняться, и которые отличают его от других жанров. Стиль будет обдуман почти так же, как мысль, форма будет приниматься во внимание не менее, чем содержание. Стиль будет изысканным, размеренным и неизменным. Тон мысли всегда будет возвышенным, очень редко оживленным, и писатели будут больше стараться придать совершенство произведению, чем создать больше произведений. Иногда может случиться, что члены литературного класса, пребывающие постоянно в своей среде и пишущие лишь для себя самих, полностью потеряют из виду остальной мир и заразятся фальшивым и вымученным стилем. Они станут пользоваться исключительно установленными подробными правилами, которые незаметно приведут их к тому, что они потеряют здравый смысл и, наконец, нарушат законы природы. В поисках способа выражения, отличного от общепринятого языка, они придут к своего рода аристократическому жаргону, едва ли менее отдаленному от чистого языка, чем необработанный народный диалект. Таковы опасности, угрожающие литературе в аристократиях. Всякая аристократия, стоящая в стороне от народа, становится бессильной, причем как в литературе, так и в политике¹.

А теперь перевернем картину, чтобы посмотреть на ее обратную сторону. Давайте перенесемся в демократию, неподготовленную древними традициями и настоящей культурой к участию в развлечениях ума. Общественные слои здесь перемешаны и перепутаны; знание и власть

¹ Это особенно верно в отношении аристократических стран, которые долго и спокойно были подчинены монархическому правлению. Когда в аристократии преобладает свобода, высшие слои общества постоянно имеют дело с низшими, и когда они это делают, они сближаются с ними. Это нередко приносит нечто вроде демократического духа в аристократическое общество. Более того, в правящих привилегированных кругах появляется энергия, смелая политика, вкус к суете и волнениям, что несомненно должно сказываться на литературных произведениях. «Mass culture». The popular arts in America. New-York, 1957.

бесконечно разделяются и, если можно так сказать, разбрасываются во все стороны. Здесь и там пестрая толпа, чьи интеллектуальные потребности должны быть удовлетворены. Эти новые почитатели развлечений для ума не все получили одинаковое образование; они не похожи на своих родителей, более того, отличаются друг от друга, ибо живут в состоянии постоянной перемены места, чувств, судеб. Образ мыслей каждого из них не связан с образом мыслей всех остальных посредством традиции или общими обычаями. У них никогда не было ни силы, ни желания, ни времени, чтобы действовать сообща. Однако именно в недрах этой неоднородной и переменчивой массы рождаются писатели; и из этого же источника черпают они и прибыль и славу.

Я без труда могу понять, что при этих обстоятельствах я должен ожидать, что встречу в литературе такого народа лишь с некоторыми условными правилами, принятыми читателями и писателями во времена аристократии. Далеко если бы случилось, что люди какого-то периода договорились о каких-то правилах, это ничего не говорило бы о последующем периоде, ибо в демократических нациях каждое новое поколение представляет собой новый народ. Следовательно, литература у таких наций не сможет легко подчиниться строгим правилам, и невозможно, чтобы подобные правила существовали постоянно.

В демократиях редко кто из занимающихся литературой получил литературное образование; большинство тех, кто имеет какое-то отношение к беллетристике, занято либо политикой, либо имеет профессию, позволяющую лишь время от времени украдкой предаваться развлечениям ума. Эти развлечения, следовательно, не составляют основной радости их жизни, от: считаются мимолетным, но необходимым отдыхом среди серьезных трудов жизни. Такие люди никогда не могут приобрести достаточно глубоких знаний об искусстве литературы, чтобы оценить ее тончайшие прелести, и малейшие оттенки выражение ускользают от них. Поскольку время, которое они могут уделить литературе, очень незначительно, они ищут пути наилучшего его использования. Они предпочитают книги, которые можно легко достать, быстро прочесть и для понимания которых не требуется специальных знаний. Они ищут красоты, бьющие в глаза и доставляющие легкое наслаждение; больше всего им нужно то, что неожиданно и ново. При-

выкнув к борьбе, испытаниям, монотонности повседневной жизни, они требуют сильных и быстрых эмоций, поразительных происшествий, истин и заблуждений, достаточно ярких, чтобы встряхнуть их и погрузить, как бы насильно, в глубины темы.

Стоит ли говорить дальше? Разве найдется хоть один, кто не поймет, что должно последовать прежде чем я скажу это сам? Взятая в целом, литература времен демократии никогда не может, как в период аристократии, быть выражением порядка, правильности, научности и искусства; напротив, к ее формам будут относиться с пренебрежением. Стиль будет часто фантастическим, неправильным, перегруженным и рыхлым, почти всегда напряженным, крутым. Целью авторов будет скорее быстрота исполнения, чем совершенство деталей. Небольшие произведения будут более обычными, чем большие книги; в них будет больше остроумия, чем эрудиции, больше воображения, чем глубины, и литературные произведения будут отмечены печатью неуправляемой и грубой силы мысли, а нередко большого разнообразия и незаурядной плодovitости. Целью авторов будет скорее изумить, чем доставить удовольствие, и разжечь страсти скорее, чем очаровать вкус.

И тут и там, несомненно, найдутся писатели, которые изберут другой путь и которые, если они наделены необыкновенными способностями, успешно найдут читателей, несмотря на свои недостатки или достоинства. Но такие исключения будут редки. И даже авторы, которые так отступят от общепринятой практики в основном содержании своих работ, будут всегда возвращаться к ней в каких-то мелких деталях.

Я только что описал два крайних положения: переход нации от первого положения ко второму не внезапен, а постепенен и отмечен оттенками различной напряженности. На пути, ведущем писателей от одного положения к другому, почти всегда бывает момент, когда литературный гений демократических наций сливается с гением аристократий, и оба они стремятся установить их общее господство над человеческим разумом. Такие эпохи преходящи, но чрезвычайно ярки; они изобильны без излишеств, оживлены без суматохи. Примером может служить французская литература XVIII века.

Я бы сказал больше, чем имею в виду, если бы я утверждал, что литература нации всегда подчинена общественному положению и политиче-

скому устройству. Я знаю, что независимо от этих причин существует несколько других, которые придают определенные черты литературным произведениям, но они, как мне кажется, главные. Связи, существующие между общественным и политическим положением народа и гением его писателей, всегда многочисленны, и, зная одно, невозможно забыть о другом.

Демократия не только воспитывает вкус у торговых классов к литературе, но внедряет дух торговли в литературу.

В аристократиях читатели требовательны и немногочисленны, в демократиях они гораздо более многочисленны, и их легче удовлетворить. Следствием этого является то, что в аристократических нациях никто не может надеяться на успех, не прилагая, большого старания; это старание может принести большую славу, но никогда не принесет много денег. В то же вре-

мя в демократических нациях писатель может обольщаться мыслью, что он без особых усилий заработать умеренную репутацию и большое богатство. Для этого ему не нужно, чтобы им восхищались, достаточно, чтобы он нравился.

Все возрастающее число читателей, их непрерывное стремление к чему-то новому гарантирует продажу книг, которые никто особенно не ценит.

Во времена демократии публика нередко относится к писателям как короли к своим придворным: она их обогащает и презирает. Что еще нужно продажным душам, рожденным при дворе и достойным жить там?

Демократическая литература всегда наводнена множеством писателей, которые смотрят на литературу как на простую торговлю, и на несколько больших авторов приходится тысячи торговцев мыслями.